Глава 428: Дарую сияющий свет

Человеком, который пришел, был Принц Чэнь Лю, единственный представитель клана Чэнь в столице, а также единственный член его младшего поколения, которого могла принять Божественная Императрица.

Принц Чэнь Лю обладал невероятно хорошей репутацией в столице, считалось, что он был теплым и мягким, как нефрит, а также обладал избытком храбрости. Ранее этот молодой принц, несмотря на обсуждения и слухи, дважды оказал помощь Чэнь Чаншэну и Ортодоксальной Академии. У Чэнь Чаншэна было очень хорошее впечатление о нем, но по какой-то причине Танг Тридцать Шесть совсем не любил его.

Принц Чэнь Лю дал поклон юниора архиепископу, посмотрел на Чэнь Чаншэна и улыбнулся: «Не думаете ли вы, что мы встретились немного рано?»

Мэй Лиша проигнорировал скрытый смысл в этих словах и перешел сразу к делу: «Ортодоксия хочет пригласить Императрицу, чтобы она выразила свою позицию так быстро, как это возможно. Клан Тяньхай, естественно, будет против. Тяньхай Шэнсюэ - умный человек, но люди его клана не обязательно обладают его интеллектом. Даже если бы они обладали, они бы тоже были сломлены титулом Императора, который кажется им настолько близким. В конце концов, не все люди могут воспротивиться подобному соблазну».

Принц Чэнь Лю неустрашимо заявил: «Как Имперский клан Чэнь, я и все мои братья в графствах будем вести себя в справедливой и прямой манере».

Оба эти утверждения были сказаны Чэнь Чаншэну.

«Ортодоксия всегда будет стоять за Имперским кланом. С того года, как Тайцзу основал династию, всегда было именно так», - твердо сказал Мэй Лиша. «Сейчас все обстоит также. Только вот из-за смерти Чжуана Хуаньюй есть кое-какие проблемы со стороны Академии Небесного Дао. Среди шести архиепископов все еще есть два, которые не повернулись, потому что Его Святейшество слишком быстро изменил свои взгляды».

Чэнь Чаншэн подумал, если все обстоит подобным образом, то что происходило с тем кровавым инцидентом Ортодоксальной Академии? Почему Его Святейшество столько лет поддерживал Божественную Императрицу? Он понимал, что все это было для того, чтобы дать ему анализ текущей ситуации, но он все еще не понимал. Что же он мог поделать? Почему архиепископ организовал его встречу с Принцем Чэнь Лю?

Следующие слова Мэй Лиша предоставили ответ на эту загадку, но добавили новую загадку, как для Чэнь Чаншэна, так и для Принца Чэнь Лю.

«В будущем я попрошу Принца помнить цену, которую заплатил Чэнь Чаншэн».

У Принца Чэнь Лю был задумчивый вид на его лице при этих словах, но ничего не вышло из этого.

Чэнь Чаншэн тоже не мог ничего понять из этого, и его мысли витали где-то в другом месте. Он спросил: «Что насчет Чжэсю?»

Поп сказал, что Чжэсю быстро выйдет, но он все еще был очень встревожен - Чжэсю все еще был тюрьме, и даже хуже, это была Тюрьма Чжоу!

Для него было невозможно представить, какие ужасные страдания перенес юноша-волк за этот период времени.

Мэй Лиша сказал: «Если Имперский Двор все еще не выпустит его, я лично совершу визит».

Принц Чэнь Лю сказал, извиняясь: «На второй день после заточения Чжэсю, я отправил мою карту... Но ты должен знать, что для такого принца, как я, перед Лордом Чжоу Туном, говорить что-то будет не очень полезно».

Стоя под рядом кленовых деревьев, все еще наполненных чувством весны, Чэнь Чаншэн взглянул в направлении, где по слухам была Тюрьма Чжоу, а затем повернулся к направлению Мавзолея Книг, а затем, наконец, повернулся к Имперскому Дворцу и Дворцу Ли, и вздохнул.

Он не был обычным юношей, но в конце концов, он все еще был юношей. В этом мире были какие-то дела, которые были слишком сложными, слишком весомыми, и трудно переносимыми. Из-за этого ему даже было довольно трудно дышать. В сравнении со столицей, ему казалось, что шторм в городе Сюньян был более расслабленным и прямым. Он скорее стоял бы вместе с тем клинком и просто ушел бы от некоторых вещей, даже если бы те вещи, которые надо сделать, не были такими уж и простыми.

Под смиренными взглядами священников он покинул Департамент Духовного Образования, но он не вернулся в Ортодоксальную Академию. Вместо этого, он направился на рынок, чтобы купить какой-то вкусной еды, а затем направился к Новому Северному Мосту. Заимствуя мерцание солнца, заходящего на западе, он использовал свою технику движения, чтобы стать иллюзией, и прыгнул в высохший колодец.

Подземное пространство все еще было промозглым до костей, но Черный Дракон все еще спал. Горная гряда, которая была его огромным телом, тихо поднималась и опускалась, а те железные цепи все еще ржавели и были присоединены к каменной стене.

Чэнь Чаншэн достал еду, которую взял с собой, и разложил ее на листья лотоса перед телом Черного Дракона. И наконец, он отвязал жуи от пояса и положил его на землю.

Духовная душа Черного Дракона все еще спала в жуи, и он не знал, когда она проснется.

Сделав все это, он задумался на несколько мгновений, а потом написал несколько слов на льду. Затем он ушел.

Юноша появился у пруда, он полностью промок. Переодевшись в сухую одежду, приготовленную заранее, он вновь встретил Черную Козу во дворе Имперского Дворца. На лице юноши появилась широкая улыбка и он присел, чтобы тепло обнять ее, совершенно игнорируя немного приподнятую голову Черной Козы и ее неохотный вид.

Возник порыв ветра, все еще холодный, но он быстро рассеялся в нескольких десятках метрах вдали. Листья лотоса на льду вновь стали нежного зеленого цвета, а еда вновь начала излучать тепло.

Держа руки за спиной, Божественная Императрица Тяньхай опустила голову и читала слова, которые Чэнь Чаншэн только что оставил на льду. На уголках ее губ появилась насмешливая улыбка.

Даже без взгляда, ее духовное чувство направилось вперед, и тот нефритовый жуи вновь появился на ее поясе.

В этот миг нить духовной души Черного Дракона проснулась и превратилась в холодное намерение. Через красную родинку между бровей оно вернулось в тело дракона. Зрачки дракона медленно открылись, и лед устремился потоком вниз. Горная гряда ее тела сжималась с невообразимой скоростью, в конечном итоге превращаясь в маленькую девушку, облаченную в черное. Однако, холодность ее внешности уже была сильно уменьшена той красной родинкой.

«Видишь, все мужчины - ненадежны, и им недостает привязанности», - шутливо сказала ей Божественная Императрица Тяньхай.

Девушка в черном увидела слова, которые он оставил позади, и после периода тишины сказала: «Он не знал, когда я проснусь, и у него есть некоторые дела, так что лишь естественно, что он ушел. Более того, он также не знает, что я - девушка...»

«Ты - дракон женского пола, - Божественная Императрица Тяньхай спокойно сказала. - Если ты позволишь ему узнать об этом факте, какой в этом смысл?»

Девушка в черном сильно разозлилась, и мрачное чувство в ней стало еще сильнее, тогда как температура подземного пространства упала, как камень.

Божественную Императрицу Тяньхай не заботило это. Круг нескольких десятков метров в радиусе вокруг нее был все еще таким же теплым, как весной, а на земле у ее ног даже показались маленькие пучки зелени.

В мире над колодцем были летние сумерки, и в воздухе было немного летней жары. У магазина льда вдалеке, как всегда, хорошо шли дела, но это место у колодца было очень холодным. Это было связано с многими имперскими стражами, которые ходили вокруг, а также из-за тех ужасающих Снежных Мастифов, отдыхающих на траве под деревом. Мо Юй держала поводок в руках и тихо ждала.

Когда вновь появилась фигура Божественной Императрицы, она быстро подошла и сказала: «Принц Чэнь Лю только что был в Департаменте Духовного Образования».

Божественная Императрица взглянула на нее и спросила: «Что ты хочешь сказать?»

Мо Юй сказала: «Я не могу понять, даже если Чэнь Чаншэн - студент Даосиста Цзи, действительно ли он достоин того, чтобы Ортодоксия придавала ему столько внимания? Это... Может ли это быть каким-то камуфляжем?»

Подобное непонимание было вопросом, который министры и мудрые советники потребовали ее задать так быстро, как это возможно, но даже она не могла понять, что это в действительности позволило Императрице немного снизить свою бдительность к Чэнь Чаншэну.

Божественная Императрица сказала: «Действия людей в Ортодоксии лучше всего, когда они намеренно интригующие. Нет необходимости понимать их».

Сказав это, она начала идти к Имперскому Городу. Те два Снежных Мастифа бесшумно отошли от дерева и последовали за ней.

Глядя на спину Императрицы, Мо Юй немного саркастично улыбнулась. Она подумала про себя, что если действительно не было необходимости понимать, почему, когда Чэнь Чаншэн пришел увидеть Черного Дракона, Императрица последовала за ним?

Ее неспособность понять была в том, что она не знала о договоре между Божественной Императрицей и Черным Драконом, как и о существовании нефритового жуи.

Вернувшись в Имперский Дворец, она взглянула в бассейн перед ней. Когда она подумала о том, что Чэнь Чаншэн наиболее вероятно недавно появился из этого бассейна, она также начала думать о раннем периоде времени, о той первой ночи, в которой Чэнь Чаншэн впервые появился из этого озера - того юношу не беспокоило, что он был глубоко во дворце на опасных землях. Когда он увидел, что женщину скоро ударит цветочный горшок, сбитый паникующей белкой, он поспешил помочь.

На лице Божественной Императрицы вновь появилась насмешливая улыбка, но всегда казалось, что в ней было чувство старейшины, передразнивающего юниора.

С малейшей стимуляцией ее духовного чувства нефритовый жуи покинул ее пояс и воспарил над озером. Вода в озере была в беспорядке, как будто кипела, и над прудом начали появляться облака тумана.

Свет выстрелил из нефритового жуи, проектируясь в туман, и картина постепенно начала становиться отчетливой - это были сцены, которые Черная Дракониха видела, покинув столицу с Чэнь Чаншэном. Позже было много раз, когда ее душа спала в жуи, но жуи, привязанный к поясу Чэнь Чаншэна или к его запястью, все еще сам записывал эти сцены.

Видя эти сцены, Божественная Императрица становилась все более и более тихой. Улыбка не исчезла, но она уже не была насмешливой, оставив позади лишь чувство интереса.

Сцены быстро пролетали, постепенно превращаясь в потоки света. Это было во много раз быстрее нормальной скорости, и лишь Святой, как она, мог отчетливо рассмотреть сцены.

Когда золотые крылья осветили ночь и появилось изображение тяжело раненой облаченной в белое девушки, брови Божественной Императрицы подпрыгнули, и на ее лице впервые появилась глубокая забота.

Сюй Южун была ее глубоко любимым юниором. Хотя она была замаскирована, это было невозможно скрыть от ее глаз.

В следующих сценах Сюй Южун встретила Чэнь Чаншэна, но ни один из них не знал, кем был другой. Божественная Императрица молча улыбнулась, вероятно думая, что это было очень забавно.

Постепенно она увидела то незаходящее солнце на краю равнин, увидела нахлынувшую волну монстров, увидела Сюй Южун, которая не ушла, Чэнь Чаншэна, который не бросил, и увидела мавзолей того человека.

Улыбка на ее лице постепенно исчезла. Она спокойно смотрела на Мавзолей Чжоу в тишине.

Постепенно свет погас, а затем все исчезло без следа.

С легким мановением ее руки сцена вернулась к тому месту, где Сюй Южун и Чэнь Чаншэн впервые встретились, а также к первому месту, где началось их недопонимание.

То место было островком камышей на углу озера, два человека встретились, но не знали, кем был другой.

Жуи не мог записать внутренние мысли Сюй Южун, но Божественная Императрица отчетливо видела, о чем она думала, почему она никогда не связала бессознательного юношу с Чэнь Чаншэном, с которым у нее была помолвка - кто бы это не был, никто не думал, что Чэнь Чаншэн выглядел похожим на пятнадцатилетнего юношу. Он был слишком спокойным, даже когда был без сознания. Когда Сюй Южун посмотрела на него, она подумала, что этому человеку было около двадцати лет. Тогда, как этот человек мог быть Чэнь Чаншэном?

Божественная Императрица стояла перед озером в течение очень долгого времени, и неизвестно, о чем она думала.

Вдруг она посмотрела на Сюй Южун на той сцене и сказала: «Значит, даже тебе показалось, что ему не пятнадцать лет».

Ночной ветер пронесся через траву. В какой-то миг главный евнух прибыл снаружи зала дворца.

Она спросила: «Что?»

Главный евнух сообщил низким голосом: «Все еще нет новых зацепок в деле. Лорд Чжоу Тун также ничего не обнаружил в Деревне Синин... Лишь безумный Лорд Ху Имперского Совета Астрономии продолжает настаивать... что Наследный Принц Чжаомин все еще жив».

Он был с Божественной Императрицей в течение нескольких сотен лет и испытал бесчисленные великие дела, но когда он упомянул то, что сказал безумный Лорд Ху, его голос не смог избежать дрожания.

Божественная Императрица взглянула в ночное небо в определенном месте, где должна была существовать звезда. В течение времени, которое казалось веками, они ничего не говорила.

(прим.пер. Название главы, ‘Дарую Сияющий Свет’, - это строка в одной из поэм ‘Классики Поэзии’, □□. Данная поэма желает благословения и сияющего света □□ королю, а также желает, чтобы он был благословлен сыновьями и дочками, а также долгой жизнью. В данном случае ‘сияющий свет’ относится к имени Наследного Принца Чжаомина □□, так что это также значит ‘Дарую тебе сына, Чжаомина’)

http://tl.rulate.ru/book/1222/113112